

ЛОРА ШЕППЕРСОН

перевод Нины Павливой

ПОРАЖЕНИЕ
ФЕДРЫ

роман

МИО

МИФ Проза

Лора Шепперсон
Поражение Федры

«Манн, Иванов и Фербер»

2023

УДК 82-311.6(=38)
ББК 84(4Вел)6-449

Шепперсон Л.

Поражение Федры / Л. Шепперсон — «Манн, Иванов и Фербер»,
2023 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195942-7

Юная Федра и представить не могла, что волею богов окажется женой Тесея, царя Афин, вместо сестры Ариадны. Наивная и неопытная, поначалу она смиряется со своей участью: быть невидимкой при дворе гораздо более старшего мужа и терпеть грубости от его пасынка Ипполита. Но когда Ипполит нападает и берет ее силой, Федра отказывается молчать и вызывает его на суд. Федра – чужестранка с запятнанной репутацией. Ипполит – образец чести и добродетели, присягнувший богине Артемиде. Кто окажется жертвой? А кто будет наказан? Теперь судьбы Федры и Ипполита – во власти великих мужей Афин, и только женщины понимают, насколько скользкой может быть правда в корыстных руках. Для кого эта книга Для поклонников греческих ретеллингов и мифологии. Для тех, кому нравится читать истории о сильных женщинах, бросивших вызов обществу ради обретения справедливости. Для поклонников романов «Песнь Ахилла» и «Цирцея» Мадлен Миллер, «Безмолвия девушек» Пэт Баркер, «Тысячи кораблей» Натали Хейнс, «Ариадны» Дженнифер Сэнт. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-311.6(=38)
ББК 84(4Вел)6-449

ISBN 978-5-00-195942-7

© Шепперсон Л., 2023

© Манн, Иванов и Фербер, 2023

Содержание

Действующие лица	8
Пролог. Странствующий певец	10
Акт I. Крит	12
Федра	13
Ксентиппа	17
Ночной хор	23
Ксентиппа	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Лора Шепперсон Поражение Федры

Original title:
THE HEROINES
by Laura Shepperson

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Copyright © Laura Shepperson
Published by arrangement with Rachel Mills Literary Ltd
© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2023

* * *

Действующие лица

КРИТ

КРИТЯНЕ

ФЕДРА – принцесса Крита

МИНОС – царь Крита и отец Федры

ПАСИФАЯ – царица Крита и мать Федры

АРИАДНА – принцесса Крита и сестра Федры

КАНДАКИЯ – служанка Пасифаи

ГЕЛИЯ – прыгунья через быков

МИНОТАВР – критское чудовище, живущее в лабиринте под Кносским дворцом

ЧУЖЕЗЕМЦЫ

КСЕНТИППА – афинянка, отправленная на Крит в качестве дани царю Миносу

ТЕСЕЙ – афинский принц, сын Эгея, по своему желанию отправившийся на Крит в составе афинской дани

ПИРИФОЙ – капитан, друг и соратник Тесея

АФИНЫ

АФИНЯНЕ

ЭГЕЙ – царь Афин

ИППОЛИТ – афинский принц, сын Тесея и внук Эгея

ТРИФОН – советник царя

КАССАНДРА – служанка Медеи

КРИТОН – обвинитель

ЧУЖЕЗЕМЦЫ

МЕДЕЯ – принцесса Колхиды, бывшая жена героя Ясона, считалась колдуньей

АГНЕТА – служанка Медеи

*Как ты можешь ее обнять молчаливою ночью,
С нею остаться и спать, не опасаясь беды?
Впрямь удалось ей в ярмо и тебя, как быков
медноногих,
Был и ты укрощен тою же силою, что змей.
Хочет к тому же себе приписать она подвиг
минийцев,
Стала преградой теперь мужской славе жена¹.*

¹ Овидий, «Героиды». Письмо шестое, 95-101, в переводе с латинского С. А. Ошерова.

Пролог. Странствующий певец

– Подходите ближе, дорогие гости и славные жители Афин. Подходите ближе и послушайте песню, что тронет ваши сердца. Сложена она о вашем храбром царе Тесее и о жутком чудовище, убитом им ради вас: критском монстре с туловищем человека и головой быка; противоестественном создании, прозванном Минотавром².

Молодой сказитель извлек несколько нот на свирели, откинулся на стул и подождал недовольства толпы. Само собой, толпа взроптала:

– Этой песней нас не удивишь, чужестранец. К чему нам в сотый раз слышать ее от тебя? И афиняне, в большинстве своем юноши в самом расцвете сил, отвернулись.

Губы певца тронула легкая улыбка. Запев же, он начал свою историю с соблазненной Тесеем иноземной принцессы. Не с той, что даст показания в суде, а с ее старшей сестры Ариадны, обладательницы прекрасных волос и прочих прелестей. Тесей, царь собравшихся здесь афинян, с которым им ни разу в жизни не довелось пообщаться, был столь частым персонажем песен, что воспринимался ими как давнишний собутыльник. Критская принцесса еще только начала разоблачаться перед Тесеем, а к певцу уже вновь потянулись слушатели. Поначалу робко, а затем как вино полилось рекой – побойчее. К тому времени как распутная принцесса обнажила грудь, толпа вокруг певца возбужденно и одобрительно кричала.

* * *

Правды в истории певца не было. Да и неведома она ему. Будучи родом не из Афин, он позаимствовал эту песню у своего странствующего собрата в обмен на последний кусок хлеба.

² «Минотавр» означает «Бык Миноса».

Певец видел, как толпа смеется над принцессой, стоит о ней запеть, и как воодушевляется при упоминании сына Тесея, Ипполита. Он принялся подстраивать песню под вкус мужчин. Поначалу осторожно, затем все увереннее он вплел в историю событие, что у всех на устах: предстоящее завтра во дворце судебное разбирательство. Да, он рисковал, но толпа вокруг него лишь росла, и певец продолжал извлекать из глубин памяти крупинки информации, добытой им по дороге сюда и в самих Афинах. Принцессу околдовала Афродита. Принца покинула Артемида. Слушатели жадно внимали ему.

Будучи наблюдательнее многих, певец заметил с краю толпы фигуры в капюшонах. В отличие от остальных, они не кричали, одобряя юного принца и его отца-героя. От них разило осуждением, но певца это не волновало. Он пел не для женщин. За его песни платят не они.

По дороге он расскажет встреченным собратям о предпочтениях афинян, если те, в свою очередь, не погнушаются разделить с ним свою пищу и новости. Пока же он задержится ненадолго в Афинах. Судебное разбирательство только начинается, и, хотя дворец в Афинах – та еще дыра, поглазеть на него едут многие издалека и отовсюду, принося с собой сладкий аромат денег, манящий тех, кто живет своим умом и талантом.

Когда в свете заходящего солнца недавно построенный храм на холме возвысился и засиял как маяк, певец завершил свою историю. Он обвел взглядом слушателей, едва стоявших на ногах в обнимку друг с другом и грозивших кулаками критской принцессе. Отлично поработал. Теперь никто не вышвырнет его со двора.

Певец поднялся и неспешно направился в кухню за заслуженным ужином и, возможно, служаночкой, которая его скрасит.

Акт I. Крит

Афинские мужчины едва слышно перешептываются друг с другом, привычные шумные крики стихли: священная церемония требует тишины. Из зала, предназначенного для трапез, убраны столы. Длинные лавки заняты теми, кто называет себя присяжными. После завтрака почти не оставалось времени до судебного разбирательства, и расторопные служанки не успели толком убраться. На пролитом мясном бульоне сидит мужчина. Его одежды провоняют, но пока он ничего не замечает. Ну а заметит – и что ж? Для этого тоже найдутся служанки.

Кто-то из собравшихся вспоминает, что вчера вечером ответчик весело набирался вместе со всеми, развалившись на лавке, будто ему все нипочем. Да и чего ему бояться на суде мужчин? Что значит ЕЕ слово против ЕГО? Какой мужчина не видел зла, что приносит ревнивая женщина?

А она притом не обычная женщина, нет. Дочь царя, сестра чудовища, принцесса Крита. Ну кто не слышал про критских женщин?

Доносятся шаги. Мужчины на лавках выпрямляются, взволнованно подталкивают локтями соседей. Головы выжидательно разворачиваются к двери. Она идет.

Начинается...

Федра

Мне было восемь, когда я впервые услышала, что думают о маме, хотя услышанного и не поняла. Я шла за мамой и Ариадной по улице. В свои одиннадцать или двенадцать лет сестра уже сравнялась ростом с большинством взрослых женщин. Я семенила вслед за ней и мамой, не сводя взгляда с их одинаково плавных походок и струящихся до бедер каштановых волос. Я мечтала поскорее стать такой же гибкой и изящной, как они.

Сейчас не припомню, куда мы тогда шли. Помню только, что отца рядом не было и нас окружала охрана – мужчины с длинными копьями, на улице не смевшие даже взглянуть на меня. В стенах дворца они часто улыбались мне, тайком от мамы предлагали сладости и рассказывали об оставленных дома дочках. С Ариадной они так никогда не общались, хотя она была красивее меня.

Сестра сердито взглянула на меня через плечо:

– Не отставай, Федра.

Мама остановилась и повернулась ко мне. Удивительно, насколько они с Ариадной были схожи: сверкающими на солнце карими глазами, сияющей загорелой кожей. Будто Ариадна и не дочь своей матери, а она сама, только юная. Наверное, именно тогда я впервые осознала, что никакие годы не превратят меня, бледную, маленькую и пухленькую, в красавицу, подобную маме и сестре.

– Федра, ты идешь слишком медленно. Может, одному из охранников отнести тебя во дворец?

Уверена, мама предложила это из беспокойства, однако даже сейчас я помню вспышку унижения, пронзившую меня при мысли о том, что меня внесут в ворота дворца, как мешок с зерном. Ариадна усмехнулась.

– Нет, мама, – решительно мотнула я головой.

– Тогда, пожалуйста, не отставай.

Она отвернулась и возобновила шаг. Наша небольшая заминка привлекла внимание крестьян, трудившихся в поле. Они уставились на нас разинув рты. Я не боялась. Что крестьяне могут нам сделать? Нас охраняло ни много ни мало восемь вооруженных солдат, и каждый из них держал ладонь на рукояти меча или древке копья. Мы члены царской семьи. Никто не смеет нас тронуть.

А потом один из крестьян что-то крикнул. Непонятное мне слово, ни разу не слышанное ранее. Мама оступилась и сбилась с шага. Я озадаченно нахмурилась. Мне показалось, что она отреагировала на сказанное и брошенное слово ранило ее. Но это ведь невозможно. Я подбежала к маме и заглянула ей в лицо. Оно было белым как полотно. Ариадна шла по другую сторону от мамы, сжимая ее руку. Мы обменялись с ней непонимающими взглядами.

– Прояви уважение к своей царице! – рявкнул один из солдат, стукнув древком копья о землю.

Я закашлялась от поднятого им облака пыли.

Мама пару раз моргнула, затем медленно выпрямилась в полный рост.

– Оставь их. Мы не враждуем с крестьянами.

Солдат коротко кивнул, и мы двинулись дальше. Шагая по обе стороны от мамы, мы с Ариадной время от времени переглядывались, пораженные проскользнувшей в ее голосе ноткой страха. Мы никогда не видели маму такой сокрушенной. Однако верного вывода я в тот момент так и не сделала: что, несмотря на текущую в наших жилах царскую кровь и сопровождение мужчин, в единственную обязанность которых вменялась охрана нас, мы все равно были уязвимы.

Позже, когда мы с сестрой готовились ко сну, мама зашла в нашу комнату. Ариадна, не говорившая со мной весь вечер, расчесывала волосы. Я шурилась в умывальник, тщетно пытаюсь добиться того, чтобы мои синие глаза в тусклом свете казались ореховыми.

Мама села на мою постель и без предисловий сказала:

– Девочки, вы уже достаточно взрослые, и вскоре до вас дойдут дворцовые слухи: сплетни, которые распускают наши слуги и подданные; слова, подобные тому, что сегодня вы услышали от крестьянина. Я хочу, чтобы вы знали: эти слухи неправдивы.

Заинтригованная, я обернулась.

– Какие слухи, мама? – спросила Ариадна, перестав причесываться. – О чем ты?

Мама судорожно вздохнула.

– Ходят сплетни, что я неверна вашему отцу, – объяснила она. – Красивые царицы окружены подобными слухами, в чем, боюсь, однажды вы убедитесь. И эти толки крайне редко бывают правдивы. В моем случае – уж точно нет. Ты поняла меня, Ариадна? Я никогда не изменяла твоему отцу ни с мужчиной, ни с... – мама умолкла, уставившись в пол, затем продолжила: – Ни с кем.

– Я поняла тебя, – отозвалась сестра. – И никогда в эти слухи не верила.

Зато я не понимала, о чем они говорят, и недоуменно смотрела на обеих. Я знала, что на сестру заглядываются придворные. Она сама мне рассказывала об этом, когда снисходила до разговора со мной. К маме тоже проявляют романтический интерес? Я уже не в первый раз пожалела о том, что родилась девочкой, тем более младшей. Родись я мальчиком, мое будущее было бы полно возможностей. Мне же суждено лишь одно – стать царицей, притом куда менее значимой, чем сестра или мама.

Мама ушла столь же внезапно, как и пришла. Мне не хватило жеста нежности с ее стороны – хотя бы легкого поглаживания по голове, – но она не проявила чувств. Ариадна забралась в постель и отвернулась от меня: верный знак того, что она не намерена общаться со мной. Я сидела в тишине, вновь и вновь прокручивая в голове незнакомое слово: *kthenobate*. Оно как-то связано с животными? Что оно значит?

В тот день я могла прийти к двум умозаключениям, но выбрала неверное. Я слышала страх в голосе мамы, видела, как неловко и стыдно ей с нами говорить, и решила, что она в чем-то виновата. Каким-то крестьянам, без оружия и власти, удалось пошатнуть душевное равновесие царицы. Будь она безоговорочно верна богам, боги бы ее защитили. Будь она безгрешна, ее бы не страшило, что о ней говорят.

Правда мне открылась лишь десять лет спустя, когда Тесей приплыл на Крит в поисках власти, большей, чем мы могли ему дать: любому мужчине позволено бросаться словами, но платить за эти слова приходится женщинам.

* * *

Меж тем я вскоре выкинула из памяти это происшествие. Мне было чем занять свои мысли. Нам с Ариадной дали учителя, пытавшегося вложить в наши головы основные знания в разных областях. Мама, посмеиваясь, называла это причудой отца. Она прекрасно понимала, что нам подобное обучение ни к чему. Нам хватит и других умений: наносить на лицо краски

и следить за тем, чтобы во дворце царил порядок, об уважаемых гостях хорошо заботились, а слугами должным образом управляли.

Однако отец, потерявший единственного сына, который погиб еще до моего рождения, хотел другого. А потому нас с Ариадной учили управлять государством, защищать свое царство и заботиться о том, чтобы крестьяне исправно выплачивали взносы в казну. Мы обходили рабов, тяжелый труд которых поддерживал жизнь всего Крита, и знакомились с представленными отцом вельможами. Последние порой являлись во дворец с детьми – чаще с сыновьями – в надежде пробудить во мне с сестрой любовь или хотя бы несвоевременную страсть, за счет чего повысить свой статус при дворе.

Нас обучали основам бухгалтерского учета, и мы с сестрой скрепя сердце выводили цифры, подсчитывая рабов. Учились мы неохотно и, боюсь, для нашего учителя, пожилого раба, были сущим кошмаром. Ариадне, при всей ее красоте, не терпелось выскочить на свежий воздух и пострелять из лука по мишеням. Чего хотелось мне? Мной тоже владело совсем не женское желание – рисовать.

Крит славился множеством вещей. Гости восхищались архитектурными элементами Кносского дворца, подземными бассейнами, роскошными комнатами, даже нашей проточной водой. Подозреваю, что порой вельможи являлись пред очи отца, только чтобы окунуть руки в фонтан и увидеть, как грязная вода в каменных резервуарах сменяется чистой. Это вызывало у них детский восторг. Кносс был центром цивилизации, и мы понимали, что нам посчастливилось жить в нем. Или нам казалось, что мы это понимали: по-настоящему осознаешь, насколько тебе с чем-то повезло, лишь когда это потеряешь.

Но прежде всего Кносский дворец славился фресками. Монументальные изображения, покрывавшие почти все стены, поражали своей красочностью и искусной прорисовкой. Случалось, посетители дворца пытались ощутить гладкость листьев, оглаживая их ладонями, или почувствовать сладость капающего с ложки меда, проводя по ней языком. Составляющие красок хранились в строгом секрете, известном лишь кносским художникам, не желавшим открывать чужеземцам свои рецепты.

После долгих и слезных уговоров отец уступил мне, позволив расписать внешнюю стену нашей с сестрой спальни. Мама тогда пришла в ужас: юной девушке не пристало заниматься живописью. Но я обожала свой рисунок – неестественно изогнутых грифонов в розоватых и персиковых оттенках. Каждую свободную минуту я хвостиком следовала за художниками, мечтая получить дозволение поработать с ними.

На большей части фресок красовался знаменитый символ Крита – Критский бык. Меня он никогда не вдохновлял, хотя я ни за что не поделилась бы этой мыслью с другими. Учитель неустанно повторял, что мы потомки этого быка, в образе которого предстал сам Зевс, чтобы похитить нашу бабушку, Европу. От их союза и родился наш отец.

Поскольку Минос – сын бога Зевса, наша семья царила в Кноссе. Никто не осмеливался оспаривать это право, несмотря на уже почтенный возраст отца и отсутствие наследников мужского пола. Всем известно: боги своих не оставят.

А мы были вдвойне благословенны. Ведь моя мама также божественного происхождения: дочь бога солнца Гелиоса. Ее история – добрая, без обмана и соблазнения – мне больше по сердцу. Гелиос женился на океаниде, и та произвела на свет четверых детей, в том числе мою маму. Ариадна предпочитала эту историю по другим причинам. Устав от уроков, она лукаво заявляла: «Пришло время почтить дедулю», выбегала во двор и, раскинувшись на траве, представляла солнцу уже загорелые руки и ноги. Нагулявшись же вволю, мы спускались в манящий нас тайными радостями лабиринт – дворец под дворцом, со своими правилами и повелителем.

Так текли дни за днями: в приятном солнцепочитании, увиливании от уроков и тяжелом свинцовом запахе красок. Боги благословили нас, и я была им верна. Мама пыталась умерить мой пыл, предостерегала, что придет тот день, когда я выйду замуж и моя царская жизнь

будет скована множеством условностей. Но я не особенно верила в это. Я верила в то, что дни беспечности будут длиться вечно и мы с Ариадной продолжим жить за завесой, скрывающей от нас подлинные мерзости мира. И, возможно, так бы оно и было, если бы не прибыла дань: девушки и юноши из Афин, а вместе с ними, конечно же, и Тесей, худшее из чудовищ.

Ксентиппа

Мы были данью, трибутами – четырнадцать юношей (если у кого-то повернется язык назвать Тесея юным) и четырнадцать девушек, собравшихся в главном зале Критского дворца – Кносского, как его именуют. Я не видела зала прекраснее этого. Высокие потолки поддерживали величественные колонны, столь широкие, что и руками не обхватить. Стены украшали рисунки – мне позже объяснили, что зовутся они фресками, – с изображением сцен из легенд о богах. Я выросла на легендах о том, что Зевс победил титанов, что боги являлись особенным женщинам и создавали полубогов – правящих нами царей, но прониклась ими только в эту минуту, увидев божеств на фоне небесно-голубых, густо-зеленых, ярко-золотых, кроваво-красных и пурпурно-винных оттенков росписи. Центральное место занимала фреска с картиной основания Крита: Зевс, посещающий в обличье белого быка Европу – мать царя Миноса, которого мы ждали в этом роскошном зале. Бык на рисунке был втрое больше меня и по меньшей мере в два раза крупнее изображенной там же стройной женщины. Я никогда раньше не размышляла об этом, заботясь о быке и телках отца, но сейчас вдруг подумала, глядя на фреску: может, это вовсе и не благодать – быть посещенной богом?

На глаза упала прядь волос, и я смахнула ее со лба. Над нами на приподнятом помосте возвышалась троица: царица и две принцессы. Царица и старшая принцесса оправдывали слухи. Высокие, намного выше меня и любого из прибывших со мной юношей, кроме Тесея. С густыми блестящими волосами, заплетенными в причудливые косы. Принцессу зовут Прекрасноволосой Ариадной. Карие глаза матери и дочери сияют, зубы белеют, точно мрамор. Когда они вошли, все юноши вокруг меня приосанились.

Младшая же принцесса, Федра... В Афинах о ней почти не говорят. Ее тоже причисляют к красавицам, но именно так, обезличенно: «Красивые женщины Крита» – и ни слова именно о ней.

Рассматривая ее, я была вынуждена признать: пусть она и уступает красотой сестре, но в ней что-то есть. Выделяющая ее черта. Светлые волосы, какие не часто увидишь у афинян, и ярко-синие глаза. Уголки губ подрагивают, словно она молча смеется над известной только ей шуткой. Так что же выделяет ее? Я бы сказала – невинность.

Мои родители безумно обрадовались, узнав, что я избрана представлять Афины. Одна из семерых детей в семье, хуже того – девчонка. Наше хозяйство не прокормило бы нас. Меня бы или вынудили выйти замуж за земледельца, или, что вероятнее, отослали во дворец служанкой. А все знают, какую именно работу приходится выполнять во дворце юным служанкам и в какой именно позе.

На Крите афинским трибутам дают пищу, кров и работу – *настоящую* работу. Мы слышаны о том, насколько Критский дворец лучше, роскошнее нашего. И теперь я вижу это своими глазами. Когда мы прибыли сюда, уставшие и помятые, нас проводили в комнату с резервуаром для воды и велели умыться. Мы переглядывались, ни один не желал быть первым, кто осквернит мраморную чашу. После повторного приказа стражников я опустила на колени и стала отмывать лицо. Грязная жидкость закружилась передо мной, раздался звук хлестнув-

шей волны, и муть сменилась чистой водой. Я оторопело плюхнулась на попу, и стражники неприятно засмеялись. У одного из них даже был афинский акцент. Он немного походил на моего друга и соседа Тритоса. Я попыталась вспомнить, был ли у Тритоса родной или двоюродный брат, которого отправили на Крит в предыдущие призывы. Подумать только: подняться от афинского трибута до критского дворцового стражника! В сравнении с нищими, жалкими Афинами Крит – остров возможностей.

Вот только Тесей, явившийся из ниоткуда принц, накануне отплытия на Крит выступил перед толпой с убедительной речью: «Почему афиняне должны отправлять на Крит свою лучшую молодежь? Только потому, что сына царя Миноса, Андрогей, убили годы назад какие-то разбойники во время путешествия по Афинам?». Да меня тогда еще и в помине не было. Какое мне дело до его сына? Наши мысли сосредоточены лишь на положении, которое мы займем после испытания. Но что же само испытание?

Чтобы удостоиться чести служить при критском дворе, мы должны провести ночь в лабиринте под Кносским дворцом, построенным злым гением Дедалом. Потеряемся в нем – и, скорее всего, умрем. Критяне говорят, что в лабиринте давно уже никто не погибал, но ведь это может быть ложь. Да и сами критяне не отрицают того, что в его сердцевине обитает чудовище.

Тесей, наш новый принц, о существовании которого в Афинах никто и не подозревал до его появления во дворце с мечом Эгея и сыном-подростком за спиной, вызвался отплыть на Крит трибутом. Он решил убить чудовище и покончить с тем, чтобы афинских юношей и девушек приносили в жертву. По этому поводу тоже ворчали, особенно представители старшего поколения. Как я уже сказала, мое избрание трибутом родители воспринимали как высокую честь. И вот этот принц Тесей, мужчина лет на двадцать старше любого трибута, занял место юного афинянина, у которого в обнищавшем царстве, что унаследует Тесей, нет нормального будущего. Наверное, мы отнеслись бы к происходящему с большим пониманием, если бы трибутом вызвался сын Тесея, но того интересовала лишь верховая езда. Во время избрания трибутов он гарцевал, словно представляя себя на лошади, и вскочил на коня чуть ли не до того, как его отец завершил свою речь.

Царь Эгей благословил Тесея, на миг сжав ткань его туники в руке, будто боясь потерять только что обретенного сына. И на корабль, покидающий Афины, мы поднимались уже с совершенно иной целью. В прошлые годы я радовалась за отплывавших на Крит трибутов и бросала им вслед цветы. В этот раз собравшиеся на причале, отрешенно потарасившись друг на друга, вяло крикнули «удачи» и «надеемся скоро увидеться» и разошлись раньше, чем мы подняли якорь.

Я продолжала наблюдать за принцессами. В кои-то веки я наконец отмылась, но их чистота ослепляла. Лица девушек сияли, мое же покрывал загар, который не смыть никакой водой. Я перевела взгляд на стражников. Они не проявляли неприязни, но копий не опускали.

Однако если один из них афинянин, то он спускался в лабиринт, встречался с чудовищем и выжил.

Чудовище определяет всю суть происходящего. Если оно реальное, смертоносное, самое настоящее чудовище, как Сцилла или Харибда, жаждущие нас погубить, то критяне жестоки и вину их не загладят никакие возможные заработки и должности. Если один из нас сегодня может расстаться с жизнью, то Тесей прав. Тогда лучше было остаться в Афинах, потерять невинность, но сохранить жизнь. Хотя при афинском дворе тоже можно лишиться и того и другого.

Я повернулась к Тесею и осознала, что смотрю на него не одна. На него же устремила взор старшая принцесса, Ариадна. Она словно видела в зале его одного. Пытаясь привлечь внимание Тесея, поймать его взгляд, она мотнула головой, так что ее каштановые косы гипнотически взметнулись и опали.

Критяне зашевелились, расправили плечи, и мы, афиняне, придвинулись друг к другу, зажав Тесея в середине нашего пестрого круга. Мелькнула мысль: «Идет кто-то важный». И точно, мгновением позже в зал вошел царь. Прощавшийся с нами на причале афинский царь Эгей напоминал старую шаркающую развалину. Куда ему тягаться с критским царем. Несмотря на возраст – за шестьдесят, – Минос был высок и крепок, с золотыми, как у младшей дочери, волосами и рельефными мышцами. В руках он держал необычный двулезвийный топор. Мне потом сказали, что зовется он «лабрис». Еще один символ Крита.

Топор оказался церемониальным. Минос почти сразу передал его стражнику, и тот заботливо и осторожно, точно малое дитя, отнес топор на специальную стойку перед помостом. Стражник поклонился Миносу, и царь в ответ милостиво качнул головой. Не сдержавшись, я покосилась на Тесея и увидела в его глазах тоску. Возможно, царя-отца он представлял себе именно таким, а не трясущимся – если позволите сказать – пьяницей, который отправлял лучших девушек и юношей Афин на смерть, бросая на прощание «удачи». Минос занял на возвышении центральное место. В установившейся тишине все ждали, когда он заговорит. Царь улыбнулся и распахнул руки.

– Добро пожаловать, юные афиняне! Вы проделали долгий путь, чтобы предстать перед нами, и я благодарю вас за это.

Минос умолк, посмотрел на дочерей. Младшая зачарованно внимала каждому его слову, старшая же явно не слушала. Ее взгляд все это время не отрывался от Тесея.

– Должно быть, вы слышаны о том, чего мы ждем от вас. Позвольте же мне положить конец сплетням и домыслам. Вы должны доказать, что достойны критского двора, и провести ночь в знаменитом лабиринте, построенном гениальным изобретателем Дедалом и названном в честь топора, который видите перед собой. В лабиринте темно и сыро. Говорят, там странное эхо: возможно, это стонут призраки, обитающие в его стенах. Задача не для слабых духом. Справившиеся докажут свою благодетельность и получат критское гражданство.

Вряд ли бы кто-то из нас признался, что издал в этот момент хоть какой-нибудь звук, но ахнули все. Гражданство? Крестьянская девчонка, афинская девушка, я и мечтать не смела о подобном. Предлагаемое в самом деле было даром. Мои родители в кои-то веки оказались правы.

– Что насчет чудовища? – спросили зычно из нашей толпы: Тесей, это точно он, хотя и не сводит глаз с Ариадны.

– Чудовище, – задумчиво повторил Минос, облизнул губы, на миг показав почти волчий оскал. – Не стану отрицать, в лабиринте есть чудовище. Но если вы умны, то не станете преграждать ему путь.

* * *

После ухода Миноса, за которым последовали царица с дочерьми, нас отвели в небольшую комнату с расставленными вдоль стен скамейками. Служанки принесли нам вино, блестящие финики в меду и политый оливковым маслом хлеб. Мы жадно набросились на еду. Лишь Тесей не ел. Он сидел в одиночестве, и на его губах блуждала призрачная улыбка.

Я разглядывала покрывавшие комнату фрески. Изображение на дальней стене я видела впервые: мужчина с головой быка и мускулистым человеческим торсом. Казалось, он вот-вот вырвется из картины. Краска на ней была еще свежей. Рисунок встревожил меня: в легендах боги принимают облик человека, но не в таком виде. Не в настолько порочном. Должно быть, это изображение...

– Чудовище, – словно прочел мои мысли Паллас, молоденький пастух, едва мне знакомый. – Какое оно?

Стражники переглянулись, и непохожий на Титоса сказал:

– Ужасное. От него кровь стынет в жилах.

Мы обменялись взглядами. От его слов ничего не прояснилось.

– Но есть множество разных чудовищ, – снова заговорил Паллас. – Оно подобно гиганту Циклопу, или красавице-сирене, или...

– Уж точно не красавице, – прервал парня другой стражник, его афинский акцент заметно усилился. Он точно один из нас. – Даже не надейтесь на такое.

– Вы видели чудовище? – спросила я. Сглупила, привлекая к себе внимание, ведь Паллас, вероятно, задал бы тот же вопрос.

– Конечно, – чересчур решительно ответил стражник-критянин.

Мы вздохнули с облегчением. Они явно его не видели.

Всеобщий настрой вдруг изменился. Мы больше не были добровольными трибутами. Мы стали мятежниками, борцами, объединенными отважным принцем Тесеем.

– Один из вас должен отнести тарелки, – сказал критский стражник. – Кто пойдет? – Он обвел нас взглядом.

Я не посмела вызваться, но незаметно подалась вперед и, в то время как все отводили взгляды, посмотрела ему прямо в глаза. Сработало!

– Ты, девочка, – махнул он мне рукой.

Я поднялась, стараясь не выдать энтузиазма.

– Отнеси тарелки на кухню, – велел мне критянин.

Я выгнула брови.

– Она понятия не имеет, где кухня, – спокойно заметил стражник-афинянин. – Иди прямо по коридору, у фонтана повернешь направо, затем – опять направо у фрески с быком. Белым быком с серебряными рогами, – поспешно добавил он, опережая мое вопросительное движение бровей. Бык в здешнем дворце изображался на каждой второй фреске. – Дойдешь до кухни, и тебя туда пустят.

Меня загрузили тарелками. Не помешала бы помощь, но мне ее не предложили, да и сама я не хотела идти с компаньоном. Мне как-никак выпала возможность осмотреть дворец.

Я вихляла по коридору, выглядывая из-за горы посуды в поисках фонтана, а потом фрески с быком. Огромный фонтан оказался самым прекрасным рукотворным сооружением, какое я когда-либо видела, капли воды ослепительно сверкали в солнечном свете. Стражник оказался прав: стоило завернуть у фрески с быком, как передо мной возникла служанка и забрала у меня тарелки. Дело сделано.

Следовало вернуться к своим. Путь достаточно прост. А можно сделать вид, что я не знаю дороги назад, и подольше поглазеть на дворец. Теряться я не собиралась. Вместо того чтобы идти назад, я пошла вперед, повернула пару раз направо и наткнулась на очередного быка: вставшего на дыбы. Я повернулась, решив вернуться к своим собратьям-трибутам, и неожиданно уперлась в крепкую мужскую грудь.

Мужчина схватил меня за руку, и я поняла, что легко не отделаюсь. Дура! Как можно было утратить бдительность? Раньше я себе подобного не позволяла. В Афинском дворце-хлеву от мужчин приходится ждать лишь скотского поведения. А тут, во внешне изысканном Кносском дворце, расслабилась, обманулась красотой его фонтанов и расписанных стен. Мужчины везде одинаковы.

Он задрал мою руку над головой и ухмыльнулся. Я открыла рот, чтобы закричать, но не успела.

– Немедленно отпусти ее! – приказал нежный девичий голос.

Мы с женщиной повернули головы в его направлении, и я не знаю, кто из нас удивился больше. Он выпустил мою руку и неуклюже поклонился девушке, спешащей к нам по галерее с колоннадой.

– Ваше высочество, – произнес мужчина, развернулся на пятках и ушел.

Я прислонилась к стене и посмотрела на свое запястье с ярко-красной отметиной.

– Больно, наверное? Тебе надо показаться лекарю, – посоветовала девушка.

Я подняла на нее взгляд. Это была принцесса. Та, что младше. И некрасивее, зло подумала я.

– Хорошо, ваше высочество, – ответила я и оттолкнулась от стены, чтобы уйти.

Принцесса не двинулась с места, преграждая мне путь.

– Ты знаешь этого мужчину?

– Нет, ваше высочество.

Откуда, ради Зевса и всех олимпийцев, мне его знать?

– Но ты о нем расскажешь кому-нибудь? – властным тоном поинтересовалась она.

– Кому? – я еле сдержала смех. – И что именно?

Мы с принцессой казались ровесницами, но она еще была по-детски наивной.

– Он причинил тебе боль. В Кносском дворце подобное недопустимо!

– Я не знала, ваше высочество. Совсем недавно прибыла сюда из Афин.

Я пыталась говорить ровным голосом, не выдавая душащего меня смеха.

– Тогда знай: мы ждем от наших подданных высоконравственного поведения. Это человек моего отца. Он обязан следить за своими манерами.

– Мне необходимо идти, ваше высочество. Я должна вернуться в комнату с трибунами. – Я рассеянно махнула рукой в нужную сторону.

– Не понимаю, почему ты так спокойно относишься к случившемуся! – воскликнула принцесса. – Он сделал тебе больно. Ты сама этого хотела?

– Нет, ваше высочество. – В моем голосе проскользнули нотки раздражения. Я не была расстроена, поскольку дальше жесткой хватки за руку дело не зашло. А вот предположение о том, что я сама искала мужского внимания, рассердило не на шутку.

– Тогда что ты от меня скрываешь?

Принцесса хмурилась, морща свой прелестный носик персикового цвета. Уверена: придворные находят это обворожительным. Возможно, даже слагают о нем стихи. Но я не они. Я крестьянская девчонка, поэтому сказала то, что думаю:

– Ваше высочество, вероятно, люди вашего отца ведут себя достойно на публике или в обществе женщин, которых считают ровней себе. Но за закрытыми дверями, уверяю вас, они подвержены тем же животным инстинктам, что и крестьяне, работающие на ваших полях. Они даже хуже, поскольку те мужчины семейные, при женах и детях. У ваших же так называемых аристократов жены сидят по домам, пока сами они во дворце напиваются, панибратствуют и предаются разврату.

Шея принцессы стала пунцовой.

– Я могу приказать убить тебя за разговоры в таком тоне, – медленно произнесла девушка.

– Можете. Но тогда навредите мне больше, чем мужчина, от которого вы меня спасли. – Я вызывающе вздернула подбородок.

– Что я могу сделать? – спросила она тихо, поникнув плечами.

Я покачала головой, вдруг почувствовав усталость.

– Ничего, ваше высочество. Не тревожьтесь.

Говорить нам больше было не о чем. Я обошла принцессу и направилась по галерее с колоннадой к своим. Сделав несколько шагов, обернулась и посмотрела на нее. Она выглядела такой печальной, что мне захотелось ее утешить.

– Принцесса, вы... добры. Простите меня за резкость. Кносский дворец прекрасен. Я рада здесь находиться.

Она улыбнулась, затем сказала:

– Но этот мужчина...

Я рассмеялась, горько и безрадостно.

– У Кносского дворца свои секреты – его скрытый под поверхностью лабиринт. Афинский же дворец ничего не прячет. У него все на поверхности и открыто для глаз: злость, жадность, распутство. Там никто не защищен.

Я прикусила язык, испугавшись, что сболтнула лишнего.

Принцесса открыла рот, но тут ее кто-то позвал. Она крутанулась на месте и убежала, оставив меня одну в коридоре, с мыслями, кружащими точно пыль на свету.

Ночной хор

Крит, Крит, Крит. Такой чистый, такой светлый на вид. Жители его честны и праведны. Но нам известно, что сокрыто под его поверхностью. И мы говорим не о лабиринте.

Они приходят к нам, добропорядочные мужи Крита. Оставляют жен своих в домах и хозяйствах ради всевозможных благ Кносского дворца. Они моют руки в наших фонтанах. Вкушают пищу с царского стола. Владеют нашими телами. Мы для них лишь очередная услуга, очередная услада.

Потом они возвращаются к женам. Отдохнувшие и обновленные. Готовые служить Криту. Служить Миносу. Но не благодаря нам.

Ксентиппа

Назад я возвращалась настороже, не забывая об опасностях, таившихся за красивыми фресками. Когда я вошла в комнату, разговоры моих земляков резко смолкли, а секунду спустя возобновились: все явно испытали облегчение, увидев, что я пришла одна. Из общей болтовни я вычленила одно слово: *Минотавр*.

– Минуту, – прервала я всех, подняв руку. – О чем вы говорите?

Я перевела взгляд на Тесея, но он молчал, уставившись в пространство. Меня кольнуло раздражение. Не знаю, почему на меня не действовало обаяние принца. Возможно, виной тому хищный абрис его скул.

И пока Тесей продолжал пялиться в пустоту и, скорее всего, мечтать о критской принцессе, Аяс, долговязый парнишка с прыщавым подбородком, поведал мне о Минотавре.

– Говорят, у него тело мужчины и голова быка, – взволнованно сообщил он.

Я кивнула. Это и так понятно по рисунку за его спиной.

– Но это еще не все. Ты ни за что не угадаешь, кто его мать!

Я изогнула бровь:

– Само собой, какая-то богиня.

– А вот и нет! Царица Крита собственной персоной, Пасифая!

Он выглядел таким довольным, словно сам ее обрюхатил.

– Неужели? Тогда, должно быть, его отец – бог? – помимо воли заинтересовалась я.

– И снова нет! Царица воспылала страстью к быку. К настоящему быку, животному! Представляешь? Она заставила Дедала изготовить для нее деревянный костюм коровы, после чего и родила от него чудовище.

Я обвела всех взглядом. На лицах крестьянских юношей и девушек читалось недоверие. В таких делах мы разбирались и понимали, что это нереально.

– Может, она разгневала бога? – осмелилась предположить Цирцея, дочь земледельца с окраины Аттики.

– Возможно, – согласилась я. Боги, как известно, гневливы. Но почему тогда одна женщина, отдавшаяся Зевсу в обличье быка, произвела на свет царя Миноса, а другая, сделавшая почти то же самое, произвела на свет монстра? Непонятно.

Пока остальные отпускали грубые шуточки о дворцовых фресках с излюбленным быком критян, я, опустившись на скамейку, вспоминала красивую, изысканную царицу с ее грациозными дочерьми. Я не представляла, как эта женщина могла родить изящных девушек и быкоголовое чудовище. Да и как такое вообще возможно? Я видела, как телятся коровы. Человеческую женщину разорвало бы надвое. Меня передернуло. Надо подумать о чем-то другом.

Я заметила, что за мной наблюдает Тесей. От его холодного взгляда по спине пробежали мурашки. Я соскользнула со скамьи и как ни в чем не бывало подошла к стражникам.

– Что? – спросил критянин. Жаль, не его соратник.

– Мне интересно, ты, случаем, не знаешь Тритоса? – улыбнулась я, заводя непринужденный разговор, словно не стояла безоружной перед вооруженным копьём мужчиной.

– Знаю, – ответил афинянин. – Это мой двоюродный брат. Откуда ты его знаешь? Он спрашивал обо мне?

– Нет, – призналась я. – Он мой сосед. Ты похож на него.

– А, малыш Тритос. Я удивлен, что его нет среди вас. Он ведь в этом году мог участвовать в избрании?

Мне вспомнился Тритос, с которого еще не сошла детская припухлость. Возможно, в следующем году его и выберут трибутом – он неплохо стреляет из лука, – но в этом году он даже не удосужился подать прошение об участии. Я постаралась ответить тактично:

– В этом году больше хлопот со сбором урожая, чем ожидалось. Его семье, наверное, потребовалась помощь.

«Помощь с урожаем» – обычное оправдание, подразумевающее, что небывалый урожай прокормит всю семью и поэтому не нужно отсылать никого из детей.

Стражник понял скрытое между слов, кивнул и не стал дальше расспрашивать.

– Я Китос, а это Палос, – представил он себя и соратника.

– Нам не положено брататься с трибутами, – отозвался Палос, но как-то вяло, без недо-вольства.

– Так это же соседка моего двоюродного брата. Считай, и моя соседка.

Он прошелся по мне взглядом, сверху донизу, но меня это не встревожило. В конце концов, я его тоже разглядывала.

– Выходит, ты был афинским трибутом и провел ночь в лабиринте? – спросила я.

Китос рассмеялся.

– Не слушай чушь, которую несут о нашем чудовище. – Он ткнул большим пальцем в сторону остальных трибутов, переставших наконец обсуждать сексуальные связи царицы и вернувшихся к разговорам о чудовище, с которым нам вскоре предстояло столкнуться.

– Значит, чудовища нет?

Китос посмотрел на Палоса.

– Думаю, есть, – пожал плечами тот. – С кухонь в лабиринт каждую ночь отправляют мясо и всякие разносолы. – Но... – Палос умолк.

– Но что?

– Чудовища давно никто не видел. Очень давно. Может, оно совсем одряхлело. А может, ему нет до нас дела.

Китос кивнул.

– Мы не должны тебе это говорить...

– Так не говори, – прервал его Палос, но снова лениво, не делая попыток заткнуть афинянина.

– Держись поближе ко входу в лабиринт, – продолжил Китос.

Я открыто смотрела в его точеное лицо. Чем больше он говорил, тем меньше напоминал мне Тритоса.

– Реальную опасность представляет не чудовище, а сам лабиринт. Потеряешься в нем – и тебя далеко не сразу найдут.

– Люди сходят там с ума, – вставил свое слово Палос.

– Почему ты мне все это рассказываешь?

Китос улыбнулся:

– Может, хочу тебя снова увидеть.

Мои губы растянулись в ответной улыбке, которая испарилась, стоило вспомнить о том, что Тесея собирается забрать нас всех назад, в Афины, где единственно возможная для меня работа – подливать вино пьяным мужчинам, а потом терпеть их прогорклое дыхание.

* * *

На закате нас повели ко входу в лабиринт. Тот располагался в самом центре дворца, чего я никак не ожидала. С содроганием я осознала, что лабиринт с его чудовищем все это время находился у нас под ногами.

Мы спустились по ступеням в грот, являющийся преддверием лабиринта. Правила были просты. Мы должны поодиночке, один за другим, войти во тьму. Ждать друг друга нельзя, но объединяться при встрече на извилистых дорожках лабиринта не воспрещается. Нам напомнили о чудовище и велели не оставаться на одном месте. Нужно было продержаться в лабиринте до рассвета. После звука горна можно возвращаться ко входу. Чтобы помочь нам найти путь, в гроте зажгут огонь.

Если кто-то выйдет из лабиринта раньше положенного времени, стражники вернут его обратно. Ничего сложного, да? Только вот меня пугало несказанное: что случится, если кто-то не выйдет из лабиринта? Ясно же, что искать нас никто не пойдет. Я боялась не чудовища. Я боялась умереть во тьме в одиночестве.

По этой причине я проигнорировала указание не стоять на одном месте. Мне прекрасно помнилось сказанное Китосом. Я вошла в свой черед в лабиринт, дрожа оттого, что с каждым шагом путь становился темнее. Повернула налево, еще раз налево и в третий раз – снова налево. Входа отсюда я уже не видела, но знала, где он находится. Затем нашла маленькую нишу и скрючилась в ней. Хотела вздремнуть, но от холода не спалось. Укутавшись в плащ, я ждала рассвета.

Глаза постепенно привыкли к темноте, но видела я немного – всего метра два перед собой. Дальше все поглощала тьма. Спустя какое-то время стало казаться, что влажный холод проник в сами кости и выстуживает меня изнутри. Я догадалась, что виной тому бегущая наверху по трубе вода. Она откуда-то и куда-то текла. И здесь воняло: кислый запах щипал ноздри и мутил сознание. Потом не отмыться от этого запаха ни в каких волшебных критских бассейнах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.